

В зале остались только Цзи Удао и его внук.

— Сюань Эр, как... как ты восстановился?

Хотя факт восстановления Цзи Сюаня был налицо, Цзи Удао всё равно казалось невероятным: он потратил восемнадцать лет, израсходовал огромное количество редких сокровищ, объездил всех знаменитых врачей, использовал множество драгоценных пилюль, но так и не смог вылечить врождённый дефект души Цзи Сюаня, а тот сам восстановился.

— Я тоже не знаю, как это произошло. Только что я почувствовал, как мою душу затащило в таинственное пространство, где я получил наследие одного могущественного культиватора. Он использовал тайный метод, чтобы восстановить мой врождённый дефект души.

Цзи Сюань знал, что находится в другом мире, но его происхождение было слишком сложным, и он не осмеливался легко раскрывать его.

— Тот, кто смог незаметно для меня увести твою душу и восстановить твой врождённый дефект, определённо является великим мудрецом. Запомни: ни в коем случае не разглашай это дело, никому не говори. Ты должен хорошо понимать принцип: «Без вины человек, но обладание сокровищем — преступление».

Цзи Удао смотрел на Цзи Сюаня с добротой в глазах, не стал расспрашивать. Его внук получил великую удачу, и как старший, он испытывал только радость и наставлял его крепко хранить этот секрет.

— Дедушка, я удалюсь. Мне нужно вернуться и заняться cultivation, чтобы подготовиться к встрече с Цзи Мином через три дня.

Цзи Сюань только что восстановил духовное восприятие и с нетерпением хотел узнать состояние своего тела.

— Хорошо, возьми это пространственное кольцо. Внутри есть несколько пилюль накопления духа, они помогут тебе в cultivation.

Цзи Удао прямо всучил ему кольцо, не допуская отказа.

Цзи Сюань молча принял кольцо, не сказав ни слова, и крепко сжал его в руке. Хотя пилюли накопления духа были низкосортными, их ценность была огромна; даже клан не стал бы легко давать их ученикам. Цзи Сюань подумал про себя, что в этой и предыдущей жизни он задолжал клану Цзи так много, что вряд ли сможет расплатиться.

Цзи Сюань попрощался и, следуя памяти, вернулся в свой особняк.

Перед ним предстал довольно величественный двор. Перед воротами было несколько каменных ступеней, а внизу дорожка, вымощенная камнем. За воротами начинался извилистый коридор; пройдя по нему до конца, можно было увидеть в саду несколько каменных гор, окружённых водой, а по углам — разноцветные цветы. Весь двор был ухожен и содержался в порядке.

— Молодой господин вернулся.

В этот момент навстречу вышла девушка в расцвете юности. На ней было бирюзовое платье, фигура была изящна, походка грациозна. Хотя её лицо и шея были скрыты под белой вуалью, это придавало ей ещё больше таинственной красоты. Даже Цзи Сюань, видевший в прошлой жизни бесчисленных красавиц, не мог не восхититься: её аура напоминала орхидею в пустынной долине — отрешённую и независимую.

Девушка была служанкой Сяо Цин, которая все эти годы прислуживала ему. С детства из-за кроваво-красного родимого пятна на лице её считали недобрый знамением, она скиталась и в конце концов была продана в клан Цзи служанкой. К несчастью, пол-лица было покрыто красным пятном, из-за чего она терпела насмешки и унижения. Только Цзи Сюань, который от рождения был слабоумен, не брезговал ею, а поскольку никто не хотел общаться с этим слабоумным молодым главой, Цзи Сюань любил играть с ней. Старый глава Цзи Удао был рад, что у внука есть компаньонка, и сделал Цин Эр служанкой Цзи Сюаня, чтобы она заботилась о нём.

Хотя ум Цзи Сюаня оставался детским, все эти десять с лишним лет Цин Эр ни разу не проявила нерадивости, она усердно заботилась о его еде, жилье и повседневных делах, потому что в её сердце этот мальчик был самым важным человеком. С тех пор как она себя помнила, каждый, кто видел её, смотрел с отвращением, держался подальше, боясь навлечь на себя несчастье. Из-за этого лица она с детства терпела множество унижений. Только Цзи Сюань никогда не смотрел на неё с пренебрежением, наоборот, любил с ней играть, словно не замечал кровавого пятна на её лице.

— Мм, я вернулся, — мягко сказал Цзи Сюань. Хотя Цин Эр была его служанкой, в душе он считал её самым важным человеком.

Глаза Цин Эр широко распахнулись, она была так потрясена, что не могла вымолвить ни слова.

Видя, что выражение лица Цин Эр в точности такое же, как у всех в зале, Цзи Сюань не смог сдержать смеха.

— Я уже поправился. С сегодняшнего дня твой молодой господин — нормальный человек! — он погладил её по волосам, мягким, как шёлк.

Цин Эр пришла в себя от потрясения, и блестящие слёзы навернулись на её глаза, а затем одна за другой, сверкая, покатались сквозь вуаль по щекам, стекая на шею. Она от души радовалась за Цзи Сюаня, радовалась, что он наконец выздоровел, и вся горечь этих лет разом выплеснулась.

У Цзи Сюаня тоже покраснели глаза. Глядя, как эта прекрасная девушка плачет из-за него, он вдруг почувствовал желание крепко обнять её и пожалеть.

Цзи Сюань сделал движение, чтобы снять её вуаль и вытереть слёзы. В тот же миг зрачки Цин Эр сузились от страха, она, словно испуганный котёнок, отскочила и изо всех сил вцепилась в свою вуаль, не позволяя Цзи Сюаню увидеть её лицо. Она очень боялась: теперь, когда Цзи Сюань восстановил свой разум, не станет ли он, увидев её лицо, как и все остальные, бояться её, считать её недобрым знаком и больше не приближаться? Она боялась потерять единственного во всём мире самого важного для неё человека.

Она боялась снова вернуться в детство, когда все боялись её, опасались, что она принесёт несчастье, и каждый при встрече желал ей смерти. Казалось, с самого рождения она стояла по ту сторону мира, всеми отвергнутая.

Но теперь она нашла единственное в этом мире тепло и опору, единственного человека, который не боится её и не отвергает. Она боялась потерять это и не хотела снова остаться одна лицом к лицу с холодным миром.

Цзи Сюань с первого взгляда понял, что у неё на душе, и его сердце сжалось от боли. Он шагнул вперёд и крепко обнял её.

— Даже если все будут ненавидеть тебя, ты навсегда останешься моей Цин Эр. Если мир будет против тебя, я пойду против мира!

Эти слова Цзи Сюаня сломали всю её защиту. Рука, изо всех сил сжимавшая вуаль, постепенно разжалась. Она подняла голову и пристально посмотрела на Цзи Сюаня, словно проверяя, правда ли то, что он сказал.

Цзи Сюань мягко поднял белую вуаль с лица Цин Эр. Сначала он увидел половину прекрасного лица: глаза, полные весенней воды, кожу, подобную застывшему жиру, алые губы, одинокие и яркие, как красная слива на снегу, — словно бессмертная фея, сошедшая с картины. Цзи Сюань откинул вуаль дальше и увидел другую половину лица: жуткую, кроваво-красную, родимое пятно тянулось до самой челюсти, внушая трепет.

Если левая половина лица была подобна ангелу, не ведающему мирской суеты, то правая — словно демон, вышедший из ада; контраст был разительным.

Увидев ауру, исходящую от правой стороны лица, Цзи Сюань вдруг понял, что происхождение Цин Эр не просто. Эта слабая аура была подобна кровожадности асуры или бескрайней убийственной ци. И то и другое не могло принадлежать обычной девушке. Но какой бы она ни была, она оставалась его служанкой Цин Эр.

Цзи Сюань временно отложил желание выяснить это, так как сейчас у него не было ни капли cultivation, и он не мог использовать никакие заклинания или божественные способности.

Когда его cultivation немного восстановится, он найдёт способ избавиться от этого жуткого родимого пятна.

Цзи Сюань взял её лицо в ладони, держа за белую нефритовую шею, и нежно вытер блестящие слёзы с её щёк.

— Ну как? Очень страшно?

Цин Эр опустила голову, обеими руками вцепившись в край одежды, не смея смотреть на Цзи Сюаня.

— Очень красиво. Мне нравится, как ты выглядишь без вуали. Закат можно увидеть не каждый день, но когда ты рядом, я каждый день вижу этот прекрасный пейзаж.

Цин Эр покраснела, румянец мгновенно залил её уши и белую шею. Она впервые слышала, чтобы её уродливое кровавое родимое пятно сравнивали с прекрасным закатом на небе. Но сравнение было таким удачным. Цин Эр впервые подумала, что это пятно не такое уж и безобразное.

«Раз молодому господину нравится, то впредь я не буду носить вуаль перед ним», — подумала Цин Эр.

— Цин Эр, сегодня вечером мне нужно заниматься cultivation, меня нельзя беспокоить. Не нужно готовить мне еду.

Цзи Сюань с нетерпением хотел проверить состояние своего тела и Изначального Духа, поэтому отдал распоряжение.

— Мм!

Цин Эр, словно получив прощение, не обращая внимания ни на что, убежала, словно спасаясь. После того как молодой господин поправился, несколько его фраз заставили её сердечко биться часто-часто. Совсем не так, как раньше, когда он был таким послушным, — подумала Цин Эр.

<http://bllate.org/book/19224/1886737>